

РОССИЯ: БЫЛОЕ И ДУМЫ

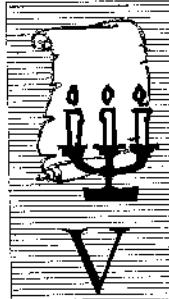
ОФИЦЕРЫ ПОД СУДОМ И СЛЕДСТВИЕМ ИЗ ИСТОРИИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА РУССКОЙ АРМИИ (1725-1745)

В июньском номере "Кодекс-инфо" за прошлый год была помещена наша статья, посвященная одной из сторон жизни офицерского корпуса русской армии в 1725-45 гг. В ней мы, в частности, обращали внимание читателей на то, что офицерский корпус был важнейшей сословно-профессиональной общностью Российской Империи второй четверти XVIII в. Офицеры не только обеспечивали оборонспособность государства, но и исполняли основной объем дел по гражданскому управлению.

Сегодня мы рассмотрим, как относились государство к преступлениям, совершившимся офицерами. Данный вопрос представляется особенно интересным, так как офицерство являлось самой привилегированной группой российского общества XVIII в. Во-первых, все офицеры принадлежали к потомственному дворянству (так как присвоение первого офицерского чина автоматически влекло за собой введение в дворянское достоинство для любого недворянинца) и, таким образом, пользовались всеми привилегиями высшего сословия. Во-вторых, офицеры были военными – то есть членами самой важной с точки зрения государства и самой уважаемой обществом профессиональной корпорации. Офицеры пользовались правом владения землей и крепостными, наивысшим среди всех государственных служащих денежным содержанием, определенными социальными гарантиями (право пенсии, оплачиваемого отпуска для лечения, пособий семье в случае гибели кормильца и т.д.). Государство, вполне отдававшее себе отчет о том значении, которое имеет офицерский корпус, стремилось создать условия, способствующие росту кре-стика офицерской службы и значимости офицерства в обществе. По-

сии в XVIII в. было не лучшим, государство не могло в полной мере действовать в своей офицерской политике материальный фактор. Офицерское жалование обеспечивалоносный уровень жизни, однако посыпать денежное содержание офицеров настолько, чтобы совершано избавить их от материальных проблем и, таким образом, возвысить над всеми слоями общества, правительство не имело возможности. Поэтому для поощрения офицерства в 1725-45 гг. активно использовались идеологические и юридические методы. Идеологическая политика заключалась в различных мерах, направленных на то, чтобы укрепить существовавшее в обществе представление о военной службе вообще и офицерской в частности как о наиболее важном и почетном занятии, которое только может избрать для себя россиянин, особенно – дворянин. Юридическое поощрение офицерства выражалось в том, что государство планомерно вводило в действие законодательные акты, предоставлявшие офицерам особые права и привилегии. Офицеры имели льготы в совершении сделок с землей и крепостными, в получении образования, социальном обеспечении и т.д.

В этой связи особенно интересно рассмотреть, как государство относилось к нарушениям закона, допускавшимися офицерами. Это позволило решить вопрос о том, предполагала ли политика юридических льгот безнаказанность офицеров, либо была частью целостного комплекса государственно-мероприятий, направленных на создание оптимальных юридических условий офицерской службы, в котором равно действовали и силы поощрения для успешно выполняющих обязанности службы, и силы наказания для пренебрегающих служебным и гражданским долгом.

Россия: былое и думы

кригсрехт выделял из своего состава полевой кригсрехт – полномочную судебную комиссию, которая поступала в состав штаба армии и во время похода оперативно решала судебные дела на месте.

В 1710-х гг. был создан орган надзора за судом: введен институт военных фискалов. По одному фискалу имелось в каждом полку, при каждом полевом штабе и в каждом суде. Фискалы осуществляли военсторонний тайный надзор, в частности – за судопроизводством. О выявленных нарушениях они обязаны были докладывать непосредственно в высший государственный орган России – Сенат.

После окончания Северной войны военные судебные и следственные органы были окончательно сформированы в том виде, в каком просуществовали до конца века. Высшим военным судебным органом стал петербургский генеральный кригсрехт, подчинением которого находились территориальные кригсрехты – московский, рижский, киевский, смоленский, астраханский и сибирский. Во время территориального военного суда, находившегося ближе других к театру военных действий, преобразовывалася в полевой кригсрехт, подчинялся под начальство командующего армии и выступал в поход.

Кригсрехты осуществляли только суд. Обязанности по ведению следствия были возложены на аудиторов. Для улучшения работы следственных органов управление ими было централизовано. В 1728 г. окончательно оформилась генерал-аудиторская экспедиция Военной коллегии. Во главе экспедиции стоял генерал-аудитор (в ранге генерал-майора). Экспедиция ведала назначением полковых аудиторов и контролировала их работу. Кроме того, при каждом территориальном кригсрехте было создано территориальное аудиторское поэлье, которое принимало дела у полковых аудиторов, завершало следствие по ним и представляло суду. Собственно генерал-аудиторская экспедиция играла роль высшего следственного органа: контролировала работу всех нижних аудиторских инстанций, а также проводила следствие по делам, разбиравшимися петербургским генеральным кригсрехтом. Кроме того, генерал-аудиторская экспедиция и территориальные аудиторские повьты принимали жалобы у военных, а также жалобы гражданского населения на военных, проводили следствие по поступившим жалобам и, в случае необходимости, возбуждали судебное дело, передавали его на рассмотрение кригсрехта¹.

Надзора за работой военно-судебных органов практически не было, т.к. институт фискалов в 1725-35 гг. стал

постепенно отмирать и в 1738 г. был окончательно упразднен.

Описанная система военных судебных и следственных органов не всегда функционировала совершенно четко. Так, аудиторские повьты имели право самостоятельно выносить приговоры по ряду дел в тех случаях, когда не было возможности передать материалы в кригсрехт. Для расследования некоторых преступлений время от времени создавались специальные следственные комиссии из строевых офицеров (чаще всего это делалось в тех случаях, когда не было возможности поручить расследование аудиторам или когда существовали подозрения о причастности аудиторов к совершению преступлений). В полевой армии во время войны могли создаваться особые судебные комиссии из генералов и полковников. Такие комиссии чаще всего рассматривали дела о военных преступлениях. Их решения не подлежали никакому обжалованию и могли быть изменены или отменены только лично императрицей. Хотя Уставом Воинским не предусматривалось разделение преступлений по типам и любое правонарушение, совершенное военным, подлежало рассмотрению в военном суде, дела о преступлениях государственных (главным образом, "произнесение слов", порочащих особу монарха), религиозных (богохульство, выход из православия) и семейных (блуд, прелюбодеяние, дела о разводах) от середины 1720-х гг. стали рассматриваться специальными органами: Тайной канцелярией (государственные преступления) и Синодом (религиозные и семейные), которые проводили также и весь объем следственных мероприятий. Наконец, во время ведения военных действий (в неподготовленной близости неприятеля), а также в

случае возникновения волнений в войсках генералы и полковники имели право самостоятельно принимать судебные решения (вплоть до смертной казни) и тут же на месте приводить их в исполнение.

Такова была система военных судебных и следственных органов в 1725-45 гг. Теперь рассмотрим, как она действовала в отношении офицеров, совершивших преступления и правонарушения.

Для этого воспользуемся двумя основными массивами источников: личными учетными документами офицеров (т.н. "офицерскими сказками" и "смогровыми списками") и сохранившимися судебными делами. Первый отдель источник позволяет решить вопрос о том, какая часть офицеров армии совершила преступления и какие (т.к. в учетных документах особым пунктом отмечалось, состоя ли офицер в течении своей службы под судом и следствием), второй – рассмотреть ряд судебных дел в подробности. В нашем распоряжении имеются личные учетные документы для 70% офицеров, служивших в армии во второй четверти XVIII в., и около 35% судебных дел, веденных в 1725-45 гг. Напомним, что в сфере нашего внимания находится только офицерский корпус армии, т.е. полевые, гарнизонные и ландмилиции войск (на учтены офицеры гвардии, флота, артиллерии и инженерных войск).

В 1725-45 гг. в русской армии служило всего около 7500 офицеров. Из этого числа под судом и следствием за 20 лет побывало 278 человек, то есть около 4%. 36 из них были оправданы. Остальные понесли те или иные наказания: 38 офицеров были судимы дважды, 9 – трижды, 2 – четырежды. Количество офицеров, судимых за каждый год с 1725 по 1745, показано в таблице 1.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО ОФИЦЕРОВ,
НАХОДИВШИХСЯ ПОД СУДОМ И СЛЕДСТВИЕМ
В 1725-1745 ГГ.

Год	Количество находившихся под судом и следствием, чел.	Год	Количество находившихся под судом и следствием, чел.
1725	6	1736	21
1726	11	1737	27
1727	10	1738	29
1728	14	1739	25
1729	11	1740	32
1730	14	1741	17
1731	5	1742	19
1732	16	1743	2
1733	15	1744	6
1734	21	1745	7
1735	19	ИТОГО	327 ²

¹ Подробнее о системе военных судебно-следственных органов и военных законов см. Бобровский П.О. Военное право России при Петре Великом. Ч. 1 (вып. 1-2). Ч. 2 (вып. 1-3), СПб., 1882-82.

² Учитывая имевших по несколько судимостей 1 раз за каждый случай нахождения под судом.

242 офицера, понесшие наказание в судебном порядке, составляют примерно 3% от общей численности офицеров армии. Среди преступников, совершивших офицерами в 1725-45 гг., выделяются три группы:

должностные – неисполнение или неверное (недостаточное) исполнение служебных поручений, злоупотребление своими полномочиями;

военные – неисполнение боевых задач, действия, повлекшие за собой необоснованные потери; уголовные.

Реже всего офицеры привлекались к суду за военные преступления. Нам известно всего 37 таких случаев. 4 из них имели место в Низовом корпусе¹ в 1725-33 гг. Трижды офицеры попадали под суд за то, что допускали уничтожение подчиненными им солдатами казенных населенных пунктов и массовые убийства мирного населения. В 1725 г. капитан Бакинского пехотного полка Ираклий Армянин разрешил солдатам без всяких на то оснований истребить наков ("племя") туркменских кочевников, за что был похизнено сослан грабежом на галеры. В 1728 г. капитан Гянзинского пехотного полка Карл Яковлев за незаконное проявление неповиновения русским властям приказал своим солдатам скечь город Бабёль и истребить его население, за что похизнено разжалован в профсоюзы². В 1730 г. поручик Дербентского пехотного полка Иван Петров при возвращении его отряда из рейда против афганцев приказал истребить 1300 пленных, когда выяснилось, что отряду придется 3 дня идти через степь, а запасов воды едва

хватит для солдат и лошадей. В последнем случае суд признал оправданым избиение мужчин, однако более половины пленных составляли женщины и дети. Следствие выяснило, что Петров "против всякого человеческого обычая при сам обидного полу малолетних расставлял и мучался, по чему же саморучно заставил оних шапкою не вдруг, но с величим мучительством отрезывая оным члены, тако что иные токмо по скончании гарраздо долгого времени конец имели"³. Зверства Петрова возмутили даже его солдат – участников резни. Из 104 нижних чинов, участвовавших в убийстве, 62 подали доносы в первые же 4 дня по возвращении из похода. Петров был следилован (тожественно лишен дворянского достоинства и офицерского звания) и казнен отсечением головы⁴.

Четвертый случай военного преступления имел место в Низовом корпусе в 1733 г. Майору Сарского драгунского полка Василию Лутовинову было приказано выступить с двумя эскадронами своего полка в окрестности Астрахана, дабы защищать местных армянских поселенцев от ожидающего нападения Агадамского хана. Лутовинов выступил только через 12 дней после получения приказа и явился в Астрахань, когда от армянских поселков остались одни пепелища. На обратном пути Лутовинов не погордился высматривать разведчики, из-за чего азербайджанцы напали на обоих его отряда, убили 17 солдат и истребили последние армян, которые под прикрытием русской армии фельдмаршала графа Б.Х. фон Миниха⁵ и

¹ Низовым корпусом называлась оккупационная группировка российских войск в Азербайджане, Гиляне и Мазандарине – прикаспийских областях, принадлежавших Персидскому государству, захваченных и присоединенных к России Петром Великим в 1722-23 гг. и возвращенных Россией Персии в 1733-38 гг.

² Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА), ф. 490, "Коллекция офицерских оскроек", Оп. 1, Д. 13а. Л. 27. Профес полковой – нижний офицерский чин (13-го класса по Табели о рангах), в обязанности которого входило осуществлять санитарное обеспечение полка (устраивать отхожие места) и исполнять функции поискового начальника и тореманчика (содержать арестантов, выполнять телесные наказания и смертную казнь).

³ РГВИА, Ф. 8, "Генерал-адмиралская экспедиция канцелярии Военной коллегии", Оп. 1, Д. 322, Л. 7.

⁴ РГВИА, Ф. 8, Оп. 1, Д. 322.

⁵ РГВИА, Ф. 8, Д. 475.

⁶ Войне за голексовское наследство разразилась вследствие смерти короля Польского Августа II в 1733 г. Польские патриоты, недовольные прорусской прозападной политикой, которую проводил покойный король, пытались воспрепятствовать возвращению его сына курфюрста Саксонского Августа III – и избрали королем родственную племяннице Станислава Лещинского, пользующавшегося поддержкой Франции и Швеции. В ответ на это Россия ввела в Польшу 40 тыс. войск, вторгнувшись путем уничтожения саготирования, добилась провозглашения королем Августа III, а затем оказала поддержку союзной Австрии в войне с Францией, которая выступила в поддержку низложенного Станислава Лещинского.

⁷ Русско-турецкая война 1735-39 гг. развязана Россией с целью завоевания прчерноморских областей и прекращения набегов крымских татар на Украину и южнорусские области. В ходе этой войны русские войска под руководством фельдмаршала Б.Х. фон Миниха и П.П. Ласси захватили все крупнейшие крепости в Причерноморье и Молдавии (Азот, Переяск, Кинбурн, Очаков, Хотин, Бендера, Яссы), трижды совершили опустошительные походы в Крым, нанеся несколько горюческих полевых турецко-татарской армии (крупнейшая – при Ставрополе в 1738 г.), уничтожили коневодство между Доном и Кубанью (татары и ногайцы). Успешная в военном отношении, эта война закончилась неблагоприятно для России, так как ее союзница – Австрия, которой Россия ввернула все полномочия по отстаиванию своих интересов на мюнхенском конгрессе, заключила с Турцией мир, по которому Россия была передана только Азов и незначительные территории по Днепру и Кубани.

⁸ Русско-шведская война 1741-43 гг. развязана Россией с целью реванша за поражение в Северной войне 1700-1721 гг. С самого начала войны русские войска под руководством фельдмаршала П.П. Ласси наименее шведской армии крутое поражение при городе Вильмансфельде. В 1742-43 гг. русские оккупировали всю Финляндию и Аландские острова; причем были захвачены в плен вся шведская армия в составе 36 тыс. человек. Война закончилась мирным соглашением, по которому Россия получила крупные территориальные приобретения в Финляндии.

⁹ Фон Миних, граф Бухард Христофор (Богдан Антонович), (1683-1767), генерал-фельдмаршал. Родился в Ольденбурге. По образованию военный инженер. Служил в датской, ольденбургской, гессен-кассельской, саксонской армиях. С 1721 г. в российской службе. Пострижен в Паддингтонском канале, Украинскую, Закамскую и Сибирскую управляемые пограничные линии, автор планов Кронштадтской и Рогерсвикской гавани. С 1731 г. фельдмаршал, генерал-фельдмаршальмейстер (начальник артиллерии и инженерных войск), директор над крепостями и директор кадетского корпуса. Крупнейший военный деятель России 1730-х гг. Главнокомандующий русской армией в войнах 1734-39 гг. Блестящий военный организатор, посредственный, но успешный полководец. Первый русский историк военачальников, проницший с армиями в Крым, взвешивший крупнейшие турецкие крепости в Причерноморье и разбивший турецкую армию в полевом сражении. В 1740 г. организатор государственного переворота, свергнувший регентство Э. Бирона. После возвращения Елизавете Петровне сослан в Палейм (1742-1762). В 1752-67 гг. главнокомандующий над портами, гаванями, крепостями и каналами Балтийского бассейна, обер-камергер.

генерал-аншефа П.П. Ласси¹. Шишкун счел Чарторижского самозванцем, охранные грамоты – фальшивыми. Солдаты дочиста разграбили и сожгли замок и ближайший к нему деревню. Самого Чарторижского "драгуны донага раздавши немало побивали и ругнули", и охранные листы его ему давши и велевши смыть срамные места покрывать, прогнали вон линками². Жена князя, пятеро его детей и все домочадцы разделили печальную участь своего пана и должны были голыми добираться в январскую стужу три версты до соседнего поселения. Чарторижский подал жалобу во все возможные инстанции. Шишкун был предан показательному суду, приговоренному его к аркибурированию (расстрелу). Однако столь суровый приговор был вынесен только для того, чтобы успокоить союзных России поляков. Офицеров, допустивших такие ошибки, карали не очень строго: 2 были разжалованы в рядовые на срок 1-3 месяца, 3 отштрафованы. Серьезно поплатился только капитан Тверского драгунского полка Глеб Шишкун. В январе 1735 г. он был послан скаже имение одного из вождей польского сопротивления – А. Рудзинского, причем приказано ему было поступать "с примиряющей строгостью". Шишкун перепутал и вместо имения Рудзинского явился в лежачие по соседству владения князя К. Чарторижского – активного сторонника России, имеющего 4 охраны грамоты на своем деревне, в том числе – с личными подписями командующих русской армии фельдмаршала графа Б.Х. фон Миниха³ и

иностраницев на русской службе, пытавшихся их защитить, разорили штаб дежурного генерал-майора Э. фон Лизвина и подстрекали восьмью армии к поголовному истреблению офицеров-иноzemцев. Бунт был прекращен энергичными действиями генерал-аншефа Дж. Кейта⁴, который вошел в середину мятежной толпы, схватил одного из зачинщиков возмущения и приказал немедленно позвать священника, дабы приготовить бунтовщиков к расстрелу. Кроме того, полевые полки не только не поддержали гвардейцев, но, поднявшись по тревоге, были готовы применить против них оружие. Кейт немедленно арестовал всех участников мятежа и передал их специально созданной военной следственной комиссии. Вместе с солдатами под суд попали 7 гвардейских и 5 армейских офицеров (все русские по национальности), которые находясь в непосредственной близости от бунтовщиков, же только не пытались их остановить, но даже не пришли на помощь к избиваемым офицерам-иностраницам и шведским парламентерам. Все участники бунта, включая и офицеров, были признаны виновными и наказаны⁵.

5 офицеров было осуждено к разжалованию в рядовые на 1-3 года и бессорочно в августе 1742 г. Приничному посыпал шовинистический бунт гвардейских солдат, вспыхнувший в лагере действующей армии под Выборгом. Воодушевленные обещаниями недавно воцарившейся императрицы Елизаветы Петровны "очистить" Россию от иноземцев и распустившиеся в первые месяцы царствования сиюходительной дочери Петра Великого солдаты лейб-гвардии Преображенского и Семёновского полков, узнав о визите в лагерь шведских парламентеров, обвинили командующего – фельдмаршала Якова Вилгельма⁶, а в 1741 г. поручик Ашперонского полка Михаил Дремов⁷ попадали под суд за то, что по вине караулов, начальниками которых они являлись, возникли почтенные перестрелки между различными русскими отрядами, в которых имелись раненые и убитые (наказаны разжалованием в прапорщики). В 1739 г. флигель-адъютант Миниха Антон Рихтер⁸ был сослан на категору на Украинае Воронежского пехотного полка в честь имени полковника "учинили превзелое пытство", в результате которого "зачали промеж собою в шлагмунд действе похваляца". Изрубив изгородь, окружавшую двор зажиточного крестьянина, где квартировал полковник, офицеры этим на удовольствовались и "по спору

плен, не уничтожили бывших при нем стратегически важных оперативных документов⁹. В 1742 г. премьер-министр Аргангелогородского пехотного полка Осип Лушкун был разжалован в рядовые за неисполнение приказа фельдмаршала Ласси в результате одна из русских галер с десантом попала в засаду и была потоплена шведской береговой артиллерией¹⁰. В 1725-45 гг. против офицеров, совершивших уголовные преступления, было возбуждено 107 судебных дел. Только по 7 из них были вынесены оправдательные приговоры, и в целом нужно отметить, что за совершение уголовных преступлений офицеры в рассматриваемый период карались весьма жестко.

24 офицера были судимы за убийства (в том числе 3 за убийства на duty). Только один из них был оправдан – в 1732 г. прапорщику Смоленского пехотного полка Никифору Кузику удалось доказать, что убитый им крестьянин был разбойником¹¹. Остальные понесли наказания: 5 – разжалованы в рядовые и сосланы, 7 отправлены на категору, 12 казнены. Интересно, что только четырежды офицеры обвинялись в убийстве двоюродных и иноземцев – это все дезерты и капитан Уфимского гарнизонного полка Акакий Прокопьев, убивший в 1742 г. в пьяной драке поручика того же полка Степана Громова. Во всех остальных случаях офицерами были убиты представители "низших" сословий, однако это никак не влияло на сиюходительность суда. В 1733 г. офицеры стоявшего на Украине Воронежского пехотного полка в честь имени полковника "учинили превзелое пытство", в результате которого "зачали промеж собою в шлагмунд действе похваляца". Изрубив изгородь, окружавшую двор зажиточного крестьянина, где квартировал полковник, офицеры этим на удовольствовались и "по спору

¹ Ласси, граф Петр Петрович (1678-1751), генерал-фельдмаршал. Родился в Ирландии. Служил во французской и австрийской армиях. С 1700 г. в российской службе в чине капитана. Активный участник всех сражений Северной войны, неднократно ранен. В 1712 г. генерал-майор, 1720 г. – генерал-аншеф, и генерал-губернатор Лифляндии и Эстляндии. 1735 г. – фельдмаршал, граф. Главнокомандующий русской армией в походах 1727 и 1733 гг., командующий второй армией в русско-турецкой войне 1735-39 гг., главнокомандующий в войне со Швецией 1741-43 гг. Лучший полководец России второй четверти XVIII в., выдающийся военный и гражданский организатор, один из честнейших и бескорыстнейших людей своего времени.

² РГВИА, Ф. 459, "Поход Миниха к Данцигу", Оп. 1, Д. 63, Л. 70.

³ РГВИА, Ф. 459, Оп. 1, Д. 63.

⁴ Кейт, Джеймс (Экклс Яковлевич), 1696-1758, генерал-аншеф русской, генерал-фельдмаршал прусской службы. Родился в Шотландии. Окончил Эдинбургский университет. Служил в армии шотландских сепаратистов, затем – в Испании. С 1729 по 1747 гг. в российской службе. Одним из лучших боевых генералов и военных организаторов своего времени. Вынужден был покинуть русскую службу вследствие придворных интриг. В том же 1747 г. принят в крепию короля прусского Фридриха Великого в чине генерал-фельдмаршала. Герой Семилетней войны. Погиб 17.10.1758 в сражении с австрийцами при Гохкирхе.

⁵ Подробное описание бунта см. Макинтайр К.Г. Записки о России. Ростов-на-Дону, 1998. С. 328-330. Материалы следствия и суда – РГВИА, Ф. 8, Оп. 1, Д. 421.

⁶ Осада Гданьска в феврале-июне 1734 г. была главным событием войны за польское наследство. После вторжения русских войск в Польшу в 1733 г. король Станислав Лещинский вместе со всеми верными ему войсками укрепился в Гданьске, где ожидал помощи от союзных Франции и Швеции. Общие силы осаждавших в Гданьске насчитывали до 35 тыс. чел. Русской армии в составе от 8 (в феврале) до 16 (в июне) тыс. человек. Блокированная город, разбила присущий ему на выручку французский десант и вынудила Гданьск капитулировать. За три дня до капитуляции Станислав Лещинский, переодетый в крестьянское платье и только с одним сопровождающим,бежал из города.

⁷ Атака Гданьска фельдмаршалом Минихом. М., 1888. С. 132, 143-147.

⁸ РГВИА, Ф. 460, "Война с Турцией 1736-39 гг.", Оп. 1, Д. 314.

⁹ РГВИА, Ф. 114, "П.П. Ласси", Оп. 1, Д. 22.

¹⁰ РГВИА, Ф. 8, Оп. 1, Д. 616.

¹¹ РГВИА, Ф. 114, Оп. 1, Д. 47.

¹² РГВИА, Ф. 22, "Санкт-Петербургский генеральный крикспрехт", Оп. 1, Д. 352.

меж собой почали свиней колоть, да бывать оных с одного удара до смерти, паки же овцов, паки же корову с телями [телятами — Г.К.], и волов, и лошадей же переколоти всех, и за тем же утою и гусеф и куроф побили на том дворе всех же шлагами". Всёл за тем полковник хотел зарубить дворового пса, но живший "на том дворе в черных работниках" 12-летний мальчик бросился защищать собаку, попал под шагу и был "надое расsehen, тако что голова его с рукою правою и некоторыми груди и живота же частями от прочего тела отделена вооруже". Суд, разбиравший это дело, не только приговорил к смертной казни колесованием непосредственного убийцу — полковнику князю Антонию Мещерскому, но постановил отрубить головы майору и двум капитанам, которые присутствовали при убийстве и "не токмо что помешательства не чинили, но по рассечении того хлопца имели удар его, князя Мещерского, хвалили". Все остальные 7 офицеров, принимавших участие в попытке, были шельмованы и сосланы на галеры "вечно", так как, по мнению суда, они должны были вмешаться и не допустить убийства "хотя бы и силой". Кроме офицеров по этому делу было наказано телесно 18 нижних чинов полка, стоявших на карауле у квартир полковника и на помещавших преступление¹.

5 офицеров были судимы за изнасилование, 1 за мужеложество и 3 за "блуд". Все они понесли суровые наказания. Поручик Вятского гарнизонного полка Епифан Отюхов (мужеложествовавший с солдатами своего полка и детьми из местной гарнизонной школы)² и капитан Новгородского драгунского полка Семен Северинов, изнасиловавший 12-летнюю даровую девочку, которая "от того умом повредилась, что ныне есть полная дура", были казнены. Прочие насилиники были разжалованы и сосланы на категорию на сроки от 7 до 10 лет. Два прелюбодея были разжалованы в солдаты навечно и подвергнуты цирковому покаянию, а третий — прапорщик Луцкого пехотного полка Фока Козлов, соблазнивший дочь генерал-лейтенанта А.И. Измайлова, был дополнительно наказан кнутом и сослан на китайскую границу³.

7 офицеров были судимы за вооружество у частных лиц. К ним суд относился мягче: пятеро были разжалованы в рядовые на сроки от 1 до 3 лет, двое понижены в чине и отштрафованы. Во всех случаях воры были принуждены возместить потерпевшим материальный ущерб.

¹ РГВИА, ф. 22, Оп. 1, д. 540.
² РГВИА, ф. 8, Оп. 2, д. 187.
³ РГВИА, ф. 22, Оп. 1, д. 394.
⁴ РГВИА, ф. 8, Оп. 2, д. 46.
⁵ РГВИА, ф. 8, Оп. 3, д. 9.
⁶ РГВИА, ф. 8, Оп. 2, д. 514.
⁷ РГВИА, ф. 22, Оп. 1, д. 361.
⁸ РГВИА, ф. 8, Оп. 3, д. 79.
⁹ Такуя клятву императрица Елизавета I Петровна дала в 1741 г. после благополучного завершения государственного переворота, приведшего ее к власти.
¹⁰ РГВИА, ф. 8, Оп. 1, д. 347.

4 офицера были судимы за разбой. Поручик Саратовского пехотного полка Александр Гребенев¹¹ и сержант-майор Борисовского ландмилиции полка Андрей Шумов¹² "промышляли на дорогах" во главе шаек из собственных дворовых людей, когда получали отпуск от своего полка. Интересно, что Гребенев до ареста дважды командировался из места службы во главе партий для "лоимиков воров и разбойников" и оба раза весьма успешно справлялся с такими заданиями. Зато в 1742 г. он сам был пойман вместе со своей шайкой аналогичной партией, высланный Белозерским пехотным полком, судим, шельмован и наизис сослан на галеры. Его коллега Шумов был казнен в 1738 г. Два других офицера-разбойника — капитан Леонтий Дремов¹³ и прапорщик князь Петр Ростовский¹⁴ — разбойничали вместе с низкими чинами своих полков. Особенно отличалася князь Ростовский, в частности, разграбивший в 1741 г. в Эстляндии обоз артиллерийского ведомства с денежной казной в размере 98 000 рублей и разным ценным имуществом. Дремов был казнен в 1734 г., а князя Ростовского спасла от гибели только клятва Елизаветы Петровны никого не казнить смертью¹⁵; в 1744 г. его шельмовали, отрубили правую руку, вырвали ноздри и солали кашев в сибирскую категорию.

9 офицеров попали под суд за недобросовестство по уголовным делам или за участие в дуэли в качестве секундантов или зрителей (последнее приравнивалось к недобросовестству). Все они поплатились временным разжалованием в рядовые или штрафами, а секунданты уже упоминавшегося капитана Карпа Яковleva (это была его первая судимость), убившего в 1726 г. на дуэли двух офицеров, были еще и сосланы в Низовой корпус¹⁶.

Самым распространенным видом уголовных преступлений, совершившихся офицерами, были проступки, которые с точки зрения современного права могут быть расценены как хулиганство. Сюда относятся избиение (в том числе с нанесением увечий), издевательства, оскорблении личности, повреждение частной собственности, различные пьяные выходки. Подобные преступления совершили 39 офицеров, из этого числа 13 — дважды, 1 — трижды и 1 — четырежды. Хулиганов наказывали строго. В 1743 г. подполковник Владимирского драгунского полка Андрей Свиридов, провожая почтовую станцию Лопась в Смоленской провинции, "не-

мало вином употребился" и отправился ночевать в отведенную ему избы местного старосты. Сон Свиридова был прерван нашествием огромного количества блох и таранков. Возмущенный Свиридов разбудил сопровождавших его солдат и денщиков, приказал им приводить в избу ночевавшего на сеновале хозяина, избил его, а затем "посред той избы, где от блох и таранков самая несносность имелася, понудил с жеюю его <...> учинить совокупность, при которой имел присутствие с денщиками своими и его, старости, немало побивал плетью, как он, староста, по его, господина подполковника, разумению свою мужскую должность негодно исправлял". Свиридов был разжалован в поручики на год и весь этот год прослужил без жалования¹⁷.

В 1734 г. капитан Луцкого пехотного полка Иван Елецкий находился в Белгороде в служебной командировке. Однажды на улице некий крестьянин обозвал "скотиной" коня, на котором ехал капитан. Елецкий "по сему разсудил, де сной мужик самово въе, капитана, тем непотребным называнием именовать имел" и побил обиженца плетью. Инцидент был бы исчерпан, но, проезжая вечером с нескользкими солдатами по базарной площади, Елецкий снова встретил обидевшего его мужика. Незадолго перед тем капитан отбедал у городского коменданта "при чем и лишил нимало". Елецкий решил, что дневной избушки крестьянин мало, велел солдатам взять мужика и слез с коня, чтобы вторично побить его. Однако односельчане крестьянин вступились за соседа, между солдатами и крестьянами разгорелася драка, в которой смели ринулся и Елецкий. Предводительствующий офицером солдаты одержали верх: крестьяне разбежались, а победители в честь своего успеха разломали и сожгли повозки, на которых побежденные собирались ехать с базара домой. Побитые крестьяне подали жалобы на беспчинства капитана Елецкого, который был отштрафован, разжалован на год в рядовые и на три года сослан на финскую границу.

Упоминавшийся выше капитан Глеб Шишкин, привинчившийся в 1735 г. в Полыше, снова попал под суд в 1736 г. Его брат Степан, состоявший надзирателем у корчмарских дел в Ревеле, подал жалобу в местное аудиторское позывье, в которой обвинил Г. Шишкина в неоднократном избиении своей жены и детей. Следствие выяснило, что служивший в Ревельском гарнизоне капитан Шишкин квартировал

в доме брата, где "по все время велико тиранизовал аки бы вящий хозяин <...> и по вся дни требовал себе весьма немалое пропитания: поросся, и гусей, и утицы, и рыб, добрых всяких (паче прочтено стерльца пак же ерша), а к тому же и вина гишпанского по вся дни до бутылки и по <...>". С. Шишкин, живший на скромное жалование, не мог удовлетворить гастрономических потребностей брата, за что приходилось расплачиваться его жене — капитан нащадко колотил сноху всякий раз, когда обед приходился ему не по вкусу. Кроме того, Г. Шишкин решил заняться образованием своих племянников (трех мальчиков 12, 11 и 9 лет) и стал лично учить их грамоте. Учебный процесс сводился к тому, что каждый вечер, спрашивая заданный на день урок, Г. Шишкин "оных племянников своих лозами сек по сту раз и по двести и болцю, и поленом, и кочергой, и ухватом, и скалкой, и руками же всяко побивал, и за ногу к притолоке вешал, и по зимнему времени басьми, при самом малом одеянии (паки же и вовсе безо всякой покржи)". Общий доход Рукина составил 5500 рублей, то есть столько, сколько он получил бы суммарного жалования по своему чину за 170 лет беспрерывных служб. В 1726 г. был повышен капитан Троицкого драгунского полка Роман Новиков, укравший 9000 рублей, выделенных его полку на покупку лошадей¹⁸. В том же году шельмован и пожизненно сослан на галеры капитан Псковского пехотного полка Алексей Коланев, получивший на 4382 рубля взяток во время командировки в ревизии кабаковских сборов в Нижний Новгород¹⁹.

В 1730-х гг. суд стал относиться к должностным преступлениям офицеров значительно мягче. Так, майор Борис Шумковский, похитивший в 1734 г. 7347 рублей казенных денег, отдался разжалованием в солдаты на два года (с конфискацией имущества)²⁰. Поручик Исроним Райс, получивший на 8000 рублей взяток во время переписи податного населения в Лифляндии в 1743 г., был сослан в Белгород на 5 лет (с конфискацией имущества)²¹. Подполковник Новгородского драгунского полка Николай Гаршин, заработавший в 1736-37 гг. около 12000 рублей на солдатский мундир, тут же занял место в строю 10-й роты, в которой ему, временно разжалованному в рядовые, предстояло прослужить 2 года²². Аудитор Тамбовского драгунского полка Степан Рокотов, получавший взятки от подследственных, в 1738 г. был подвергнут шельмованию перед строем дивизии, после чего его облачили в рогожный мешок, посадили на осла лицом к хвосту и в

¹¹ РГВИА, ф. 8, Оп. 1, д. 244.

¹² РГВИА, ф. 8, Оп. 1, д. 1005.

¹³ Штедлин Я.К. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1. М., 1829. С. 173.

¹⁴ РГВИА, ф. 8, Оп. 1, д. 127.

¹⁵ РГВИА, ф. 8, Оп. 1, д. 143.

¹⁶ РГВИА, ф. 8, Оп. 1, д. 156.

¹⁷ РГВИА, ф. 8, Оп. 1, д. 175.

¹⁸ РГВИА, ф. 8, Оп. 2, д. 594.

¹⁹ Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство. XVIII век. М., 1974. С. 255-256.

²⁰ РГВИА, ф. 8, Оп. 2, д. 410.

таком виде проезжали пеший фронтом всей дивизии и отправили в Азов в ссылку на 3 года¹. Однако смертная казнь, похищенная категория или ссылка и изуродование (вырывание ноздрей, языка, отрубание рук), широко практиковавшиеся за данные преступления в петровское время, после начала 1730-х гг. не применялись.

Существовал, правда, род должностных преступлений, за которые суд строго карал офицеров как в петровское время, так и в последующее двадцатилетие. Речь идет об использовании офицерами солдатского груда в собственных интересах. Офицеры-помощники нередко направляли подчиненных им солдат для работы в собственные поместья или за определенную сумму "здавали солдат в аренду" различным подрядчикам, в основном – для выполнения строительных работ. В 1725-45 гг. за подобные преступления было осуждено 22 офицера, и все они были либо разжалованы в нижние чины на срок не менее 3 лет или бессрочно и сосланы, либо отправлены на каторгу на 5-10 лет. Впрочем, дела об использовании солдат были единими из самых сложных расследований. Проблема заключалась в том, что солдатам официально разрешалось в свободное от служебных обязанностей время подряжаться на поденную работу. Организованные в артели, возглавляемые выбранными из собственной среды старостами солдаты нередко подряжались на сезонные полевые работы, чаще же – на строительство, порубку леса и т.п. Подрядчики и помощники весьма охотно нанимали солдат, так как, хотя артели требовали обыкновенно плату большую, чем вольноземельные рабочие, трудились солдаты быстрее, качественнее и дисциплинированнее.

Здесь и имелась почва для злоупотреблений. Офицер-помощник мог нанять одну или несколько солдатских артелей из своего полка для производства тех или иных работ в своем поместье и по окончании работ заплатить заранее оговоренную сумму. Однако, пользуясь своей властью над нижними чинами, офицер мог и заставить их исполнить ту или иные работы без всякой платы. Аналогично обстояло дело с работой солдат на подрядчиков: артель могла действительно наняться на работу, но могло быть и так, что офицер, получив у подрядчика определенную сумму (обыкновенно меньшую, чем та, которую подрядчик заплатил бы при найме солдат), приказывал солдатам выполнить оговоренную работу без всякого вознаграждения.

¹РГВИА, Ф. 22, Оп. 1, Д. 294.

Дело в том, что в скромном времени в Прибалтику должен был приехать отсутствовавший там почти 4 года генерал-губернатор фельдмаршал П.Л. Ласси. В его отсутствие некоторые местные должностные лица, в особенности – барон Левенденаль, допускали значительные погрешности в исполнении своих обязанностей. В частности, самому Левенденалю грозило обвинение в использовании труда солдат в собственных интересах и расхищении средств, отпущенных на ремонт укреплений г. Ревеля. Левенденаль попытался сделать подчиненного ему капитана фон Фрунзена "козлом отпущения" и, добившись его осуждения, показать себя, как защитника государственных интересов.

²РГВИА, Ф. 22, Оп. 1, Д. 307.

Суды, разбиравшие дела о солдатских работах, должны были установить факт принуждения. Сделать это было не просто, так как те офицеры, которые приглашали солдат к работам, нередко заставляли артельную старость документально оформить эти работы как работы по подряду. С другой стороны, сами солдаты, направленные офицером в поместье или на отхожие работы, нередко не были заинтересованы в том, чтобы офицер понес за это наказание, так как, хотя они и не получали денег за свою работу, условия жизни в офицерском поместье или подрядчика подчас бывали значительно лучше, чем при полку. Так, в 1738 г. в Рижском кирхгехте разбиралось дело майора Пляновского полка Ревельского гарнизона Йохима фон Фрунзена, обвинявшегося в том, что он в течение 4 лет каждого лета отправлял в свои мызы на время сева, сенокоса и уборки урожая от 40 до 78 солдат своего полка. Отлучки солдат от своей части, места их нахождения и то, чем они занимались было доказано неоспоримо. Однако фон Фрунзен заявил, что нанимал солдат работать за плату. Документы о передаче денег от капитана в артельную кассу были в исправности, сами солдаты подтверждали, что работали по подряду и получали заслуженное вознаграждение. На этом дело могло бы и закончиться, если бы к нему не имел персонального интереса губернатор Эстляндии барон Э. фон Левенденаль³. Левенденаль потребовал дополнительного расследования и добился, чтобы к нему был приглашен опытный аудитор штаба эстляндского губернатора Гурий Новиков. Следствие обратило внимание на то, что в артельной кассе, куда по документам фон Фрунзен за 4 года перечислил в оплату солдатского труда 715 рублей 53 копейки, нет ни наличных денег, ни сведений об их расходовании. Солдаты дали показания, что разделили эти деньги и растратили их на "всякого воинской артели состоящего особенно мелкие нужды". Следствие сочло последние показания ложными, так как, во-первых, деньги, которые артель зарабатывала в других местах, при расходовании аккуратно учтывались в документах (даже при разделе на руки членам артели для личных расходов), а во-вторых, следствие не нашло ответа "на коликие такие партикулярные недобности толь великия денги расходованы быть могли, что с таго доходу повсякогодю из оных солдат каждому по одному рублю с полтиною и по два и по три и более присчитываеща". Аудитор Новиков

добился обвинения нескольких солдат в лжесвидетельстве, арестовал их и допросил с угрозой применения пыток. Тогда артельный староста и несколько рядовых показали, что "при его, капитане фон Фрунзене, мыих работали без подряду", но тут же сделали оговорку, что не брали платы с помешника "полюбовно", так как "во всем от него, капитана фон Фрунзена, имели изрядное удовлетворение и стол весьма добрый и мясо по вся дни, кроме постыных, и вино же и пиво же по вся дни, и квартиры самые пристойные при добрых крестьянских дворах". Солдаты заявили, что были рады отлучаться от полка на работы к своему капитану, так как "при его... мыых противу квартирного полкового жития гораздо покойно и сытно жили". Охотно принимали солдат и местные крестьяне, пятеро из которых выдали своим дочерям замуж за сезонных работников фон Фрунзена. Доказывания, все солдаты заявили, что "известу и жалобы и человитъ ж как какие обиды и притеснения от него, капитана фон Фрунзена, приносить не желают и вины его, капитана фон Фрунзена, к себе ни кой не имеют". Это не помогло фон Фрунзену: суд признал его виновным в незаконном использовании солдатского труда, приговорил к разжалованию в сержанты и ссылке в сибирскую ландмилицию на 5 лет. Кроме того, на фон Фрунзена был наложен штраф в 100 рублей и обязательство выплатить в артельную кассу 350 рублей в оплату солдатского труда⁴.

Теперь систематизируем имеющиеся сведения о наказаниях, понесенных офицерами. Сделать это не так просто, т.к. особенностю приговоров XVIII в. было то, что на приговореного обыкновенно налагали сразу несколько наказаний. Даже в случае вынесения смертного приговора суд чаще всего не довольствовался одной мерой наказания. Перед казнью виновный мог быть подвергнут шельмованию, конфискации имущества. Наказание разжалованием или понижением в чине почти всегда сопровождалось денежным штрафом или временным лишением жалованья. Отправление на каторгу часто предшествовало шельмованием, нередко – конфискацией имущества, а иногда и телесное наказание. Ссылка обычно сопровождалась разжалованием или понижением в чине и денежным вынуждением.

В таблице 2 помещены сведения только об одном из понесенных каждым осужденным наказаний – том, которое рассматривалось судом как главное.

Таблица 2

Вид наказания	Смертная казнь	Каторга	Ссылка	Разжалование в нижние чины	Понижение офицерского чина	Денежное взыскание	Телесное наказание	ВСЕГО
Всего наказано, чел.	26	33	63	79	49	35	6	291 ¹

Как видим, суд относился к офицерам весьма строго. Сравнительно легкая смертная казнь – денежные взыскания и понижение в офицерском чине – применялись менее чем в 30% случаев вынесения обвинительного приговора. Наиболее распространенным видом наказаний были разжалование в нижние чины (солдаты или унтер-офицеры) и ссылка (почти 50%). К смертной казни или отправлению на каторгенные работы было приговорено 20% осужденных.

Приведенные показатели, однако, не полностью рисуют нам картину наказаний. Рассмотрим их подробнее.

В 1725-45 гг. было казнено 26 офицеров (еще 1 приговорен к смерти, но наказание заменено каторгой). Из них 8 – расстреляно, 2 – колесовано, 3 – повешено, 13 – казнено отсечением головы. Казнь аркибузированием (расстрел) применялась только военным преступникам; колесование – только к уголовным, совершившим особенно жестокие преступления (колесованием казнены вышупомянутые полковники князь Антоний Мещерский и капитан Семен Северьянов). Повешение применялось только к расхитителям казенного имущества, а для четвервень еще и шельмованием. Шельмование считалось наказанием вдвое ли не более страшным, чем смертная казнь. Шельмование были подвергнуты: упомянувшиеся выше маньяк-убийца пору-

чи и применялось к любым преступлениям. Повешение и колесование рассматривались судом как особо сугоревая мера наказания. Дело здесь было не в том, что эти казни особенно мучительны, а в том, что они считались особенно позорными. Присужденный к колесованию князь Антоний Мещерский подавал прошение императрице, в котором просил "помиловать" его – казнить "инако, а не сим величим позором": срубленем головыль, четвервеньемль, паки же, как хоть малая моя в чём когда была перед милосердию государиней заслуга – архибизиуремъ². Как видим, осужденный считал "милостью" замену колесования на едва ли менее мучительную казнь четвертования.

Из казненных смертью только 10 человек не понесли дополнительных наказаний – это все расстрелянные за военные преступления и 2 убийцы, которым отрубили головы. Для остальных 16 казненных смертная казнь сопровождалась конфискацией имущества, а для четвервень еще и шельмованием. Шельмование считалось наказанием вдвое ли не более страшным, чем смертная казнь. Шельмование были подвергнуты: упомянувшиеся выше маньяк-убийца пору-

чик Иван Петров, убийца полковник князь Антоний Мещерский, насильник капитан Семен Северьянов и покtатель государевого имущества капитан Роман Новиков. Собственно шельмование заключалось обычно в том, что палач первым делом шлепнул на голову стоящего на коленях осужденного. Иногда, впрочем, в обряд шельмования включались дополнительные элементы, призванные унизить и опозорить осужденного. Поручик Иван Петров после того, как над ним перекололи шлагу, был брошен в специальную выгребную яму, где провел около двух часов, ссыпаемый насмешками толпы, после чего – снова поднят на шлагу и обезглавлен.

Если смертная казнь была сама по себе страшным наказанием и судьи решались усугубить ее публичным позором только для самых отпетых преступников, то присуждение к каторгенным работам сопровождалось шельмованием во всех без исключения случаях. Писанных норм на этот счет не существовало, но в общественном сознании жило твердое убеждение, что дворянин не может оказаться на каторге. Поэтому все 33 офицера, приговоренные к каторгным работам, были шельмованы.

Г.В. Калашников,
ведущий специалист

Государственный герольдия при
Президенте Российской Федерации

¹291 наказание понесено 242 офицерами. Для офицеров, судимых несколько раз, учтены по 1 разу наказания, вынесенные при каждой судимости.

²РГВИА, Ф. 22, Оп. 1, Д. 540, Л. 177.

